

УДК 82-9

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.9

Научная статья

А. В. Ляпина¹

✉ a.v.liapina@mail.ru

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Календарная словесность на страницах журналов природы и охоты

Аннотация: Впервые рассматривается роль и место календарной словесности в охотничьих изданиях дореволюционной России конца XIX – начала XX века. Несмотря на ориентированность пасхальных и святочных текстов на уже сложившийся канон, журналы природы и охоты не только ставили цель воплотить христианские идеалы, поддержать своих читателей, особенно в кризисные периоды (Русско-японская война 1904–1905 гг., Первая мировая война), но и решали природоохранные задачи, представляя сценарий взаимодействия человека и природы в условиях календарных дат. Анализ формально-содержательных компонентов календарных рассказов позволяет сделать вывод о том, что в журналах природы и охоты этот жанр имел свою специфику, обусловленную тематическим направлением изданий, а также общественно-политической, историко-культурной обстановкой в стране.

Ключевые слова: святочный рассказ, пасхальный рассказ, журналы природы и охоты, календарная словесность.

Дата поступления статьи: 1 февраля 2023 г.

Для цитирования: Ляпина А. В. (2023) Календарная словесность на страницах журналов природы и охоты. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 3, с. 85–93. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.9.

Scientific article

A. V. Lyapina¹

✉ a.v.liapina@mail.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Christmas and Easter stories on the pages of nature and hunting magazines

Abstract: Christmas and Easter stories were very popular in Russia in the second half of the 19th – early 20th century. Works for festive dates were published by many magazines and newspapers. Specialized printing had its own peculiarities. The editors discussed environmental issues e.g. how a person treats nature during Christian holidays. The object of the study were the magazines “Nature and Hunting” (1878–1912), “Russian Hunter” (1890–1895), “Hunting Bulletin” (1901–1918), “Dog and rifle Hunting” (1894–1907), “Volga Hunting Bulletin” (1891–1892). Those were the most popular hunting magazines in the second half of the 19th – early 20th century. Poems, short stories, sketches, “highlights”, feuilletons, “cases” were published in the issues of hunting magazines. The leading motives were transfiguration, repentance, awareness of their wrongdoing, forgiveness, supplication, punishment, and miracle. Of the key images, one can single out the image of festive nature, the image of a wonderful helper. Among the key images one can single out the festive nature image, i.e. the image of a wonderful helper. The leading details and symbols are bell ringing, church chanting, gifts (Easter egg). Calendar holidays have become another reason to draw readers’ attention to current problems in the field of hunting and hunting economy, to remind hunters of the need for careful use of hunting resources.

Keywords: Christmas story, Easter story, nature and hunting magazines, calendar literature.

Paper submitted: February 1, 2023.

For citation: Lyapina A. V. (2023) Christmas and Easter stories on the pages of nature and hunting magazines. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 3, pp. 85–93. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.9.

Введение

Календарная словесность давно и плодотворно исследуется историками литературы, культурологами. Изучены генезис, тематика, повествовательная структура, особенности функционирования жанров календарной словесности, оказавшихся на пике популярности в конце

XIX века (Старыгина, 1992; Баран, 1993; Душечкина, 1995; Кучерская, 1997; Калениченко, 2000; Есаулов, 2004; Акелькина, 2016 и др.), рассмотрены особенности развития святочного рассказа в региональной периодике (Жилякова, 2017), проанализированы стилиевые особенности произведений (Третьякова, 2001 и др.). Авторы научных трудов ориентировались на серьезные образцы жанра, выявили вклад отдельных писателей в развитие календарной литературы. Между тем на периферии научной рефлексии оказался целый пласт любительской литературы, воплотившей христианские идеалы на страницах периодической печати. Русский человек, воспитанный в традициях православной этики, ностальгически переживал календарное время в условиях парадигмальной ломки и поиска социумом стабильных оснований для своего бытия. Жители городов, особенно столичных, по причине большей разобщенности остро чувствовали одиночество и отсутствие уюта в своих домах.

Публикации в периодических изданиях календарных текстов отчасти гармонизировали чувство онтологического сиротства и возвращали людей в национальный духовный контекст. Особенно популярны были рождественские и пасхальные рассказы, ставшие массовым жанром газетно-журнальной беллетристики.

Специализированные издания не остались в стороне от общекультурных процессов своего времени. Редакторы заказывали для праздничных номеров своих изданий стихи и рассказы. Произведения хоть и не отличались яркой художественной оригинальностью, но внесли свой вклад в развитие жанра, обогатили его новыми сюжетами, что способствовало популяризации изданий, поддержанию праздничного настроения читателя.

Однако приходится констатировать, что вклад отдельных изданий в разработку жанров календарной словесности до сих пор является недостаточно изученным. Опубликованные в специализированных журналах природы и охоты рождественские и пасхальные рассказы не становились предметом научного осмысления.

Таким образом, актуальность темы является двунаправленной. С одной стороны, исследование продолжает традицию изучения календарной словесности, с другой – оно проводится на новом эмпирическом материале. Впервые вводятся в научный оборот публикации в охотничьих журналах, которые представили свой ракурс освещения праздничных событий.

Цель данной статьи – рассмотреть ключевые образы и мотивы, разработанные календарной словесностью в специализированных журналах природы и охоты, выявить их дидактический и аксиологический потенциал.

Объектом исследования стала праздничная литература в журналах «Природа и охота» (1878–1912), «Русский охотник» (1890–1895), «Охотничий вестник» (1901–1918), «Псовая и ружейная охота» (1894–1907), «Приволжский вестник охоты» (1891–1892).

Представленный в статье эмпирический материал является совершенно новым и оригинальным в аспекте обозначенной проблемы.

Методы

Методологию исследования определил культурно-исторический подход, позволивший обосновать роль культурно-исторического контекста в содержании календарных произведений. Метод жанрового анализа позволил выявить круг ведущих мотивов в пасхальной и рождественской литературе.

Результаты

Охотничья печать отдала дань календарной словесности, пик интереса к которой в обществе пришелся на конец XIX века. С одной стороны, публикации жанров календарной словесности в специализированных изданиях – характерная примета времени, с другой – необходимая помощь в решении воспитательных задач, в актуализации природоохранных проблем. Цель и задача подобных произведений, как известно, не столько собственно эстетическая, сколько нравствен-

но-этическая. На Рождество и Пасху в верующих семьях полагалось читать о возвышенном и несуетном, о пути к Добру и Любви.

В соответствии с общей идеей праздников пасхальные и рождественские тексты разрабатывали практически одинаковые мотивы: мотив «чуда», «искупления грехов», «покаяния», «прощения», «преображения», «пробуждения», «раскаяния», «моления»; включали характерный набор символов и деталей: колокольный звон, подарки, церковное песнопение, славение Господа.

Рассказы зимнего и весеннего календарного циклов старались воплотить христианские идеалы и имели определенный набор формально-содержательных признаков: время действия и/или время рассказывания приурочено к определенному празднику; наличие чудесных событий, предопределяющих изменение душевного состояния героя; просветленный финал; дидактическая направленность текстов. В каждом произведении эксплуатировался один или несколько мотивов, основанных на семантике календарных праздников.

В номерах охотничьих журналов, выход которых совпадал с календарной датой, публиковались стихотворения, рассказы, этюды, «блики», фельетоны, «случаи», праздничная природа которых эксплицирована в заглавии: «Пасхальная ночь», «Рождественская ночь», «Сон под Новый год», «Новогодний подарок», «С Новым годом!».

Писатели-беллетристы, следуя традиции высокой литературы, были убеждены, что рождественская и пасхальная литература помогает пережить радость и огромный подъем духовных сил, сохранить веру в высшие этические ценности. Авторы воплотили календарные истории в рамках выбранного жанра. Отличительной чертой всех рассказанных историй является их непосредственная связь с охотой и охотничьими действиями. Героями праздничных произведений являются охотники и/или их родственники, знакомые, сослуживцы.

Тексты ориентировались на канон, штамп, имели сходные сюжетные схемы. Чаще всего рассказы написаны в форме воспоминаний: герой/герои, собираясь на охоту или во время отдыха, описывают случаи, произошедшие на Пасху или Рождество. Обязательным условием повествования являлась установка на достоверность, что выражается в формулах: «со мной произошел вот какой случай...», «помню я...», «было это много лет назад...», «когда я был молод...» и т. п.

Рассказчик апеллировал к собственному опыту, опыту свидетелей или участников событий, указывал точное время и место действия.

В экспозиции даны детали деревенского быта, описаны интерьеры гостиных, представлена обстановка городских улиц, которая свидетельствует о наступающем празднике. Пейзажные зарисовки, которыми открываются произведения, также создают атмосферу праздника.

Пасхальные рассказы

Как отмечает Е. В. Душечкина, пасхальных рассказов было меньше, чем рождественских. Хотя Светлое Воскресение на Руси всегда почитали больше Рождества Христова, но празднование и переживание пасхального обряда было делом глубоко личным и внутренним. Пасха психологически связана не с детством, ростом, надеждами на будущее, как Рождество, а с моментом духовного пробуждения взрослого человека для жизни вечной (Душечкина, 1995, с. 198–199).

Пасхальные рассказы, опубликованные в специализированных журналах, представляют опыт взаимоотношения человека с миром природы в ситуации праздника и учат охотника уважительному отношению к обитателям леса, призывают соблюдать христианские традиции.

Праздник весны и пробуждения природы, соединяясь с великим торжеством пасхальным, придает этому событию особенную прелесть и обаятельность. Природа в это время, по народному убеждению, страдает вместе с Христом и радуется его воскрешению: «Как роскошен был пир весенней природы»; «жаворонки приветствовали светлое утро, весну и возрождающуюся жизнь природы»; «незримая потайная сила весны вершила свое извечное чудо, пробуждая от сна недавно скованную снегами землю»; «весна расширяла праздник Великой Любви».

Однако в охотничьем календаре православный праздник совпадает с временем начала глухариного и тетеревиного тока и токования вальдшнепов. В дореволюционных охотничьих законах

и в церковной литературе не зафиксирован запрет на охоту в праздничные дни, но православный охотник, знающий и уважающий церковные традиции, воздержится от охоты в этот период. Ведь Великий пост – это время физического и духовного аскетизма, усмирения своих желаний, отказа от удовольствий, а Пасха – это праздник праздников, торжество из торжеств, когда славят Господа и радуются его воскресению. Если все же нетерпеливые охотники отправляются на весеннюю тягу в дни Великого поста или на Пасху, то охота, как отмечается в поверьях и зафиксировано авторами, не приносит удачу. Вспомним Ивана Великопольского, героя рассказа А. П. Чехова «Студент». Молодой человек возвращался с тяги домой заливым лугом по тропинке в Страстную пятницу. Праздник весны в природе был омрачен внезапно подувшим холодным, пронизывающим ветром, а для студента обернулся разочарованием в красоте мира и жизни (Чехов, 1977, т. 8, с. 306–309).

В рассказах тема охоты на Пасху становится ведущей. В очерке Л. Александрова «На глухаринном току» герои во время отдыха вспоминают былые времена, былые охоты и своих приятелей. Вспомнил рассказчик о Даниле, ловком охотнике до глухарей, с которым несколько лет назад произошел на Пасху несчастный случай. Утоляя амбиции и теша самолюбие, он, несмотря на уговоры жены, отправился в пасхальный день на тягу и нечаянно прострелил себе руку. Произошедшее несчастье герой расценил как наказание Господне: *«И стыдно Даниле стало, что из-за охоты Бога забыл, да и бабу-то свою вспомнил, как та уговаривала»* (Охотничий вестник, 1914, № 13, с. 204–206).

Мотив раскаяния и осознания своих грехов также звучит в рассказе Н. Каменского «Случайность». Происшествие на Пасху вспоминает прокурор окружного суда Н. В. Овсяников. Он, будучи молодым, перед самой Пасхой решил отправиться на охоту, несмотря на просьбы жены остаться дома. В пробуждающемся лесу к герою приходит осознание греховности своего поступка: как мог он *«обагрить кровью молодые, трепещущие от жажды жизни травинки, окрасить в алый цвет эти зеленые, словно лакированные листочки на ветках»*. Прокурор обратился к себе с вопросом, хочет ли он убивать *«среди всеобщего ликования и хвалы Творцу за дарованное счастье, за великую неизъяснимую радость – жить для этого воскресшего леса, для его милых, неповинных ни в чем обитателей?»* (Охотничий вестник, 1914, № 13, с. 210–211). Пришедшее к герою осознание преступности своих намерений спасло жизнь его жене, которую во время его отсутствия украли разбойники и чуть не убили. Прокурор неожиданно для похитителей вернулся домой и таким образом смог предотвратить трагедию.

Мотив искупления вины звучит в рассказе «Пасхальная ночь» С. Михайлова (Там же, с. 211–212). Во время пасхального богослужения в Николо-Раменском мужском монастыре во время церковного песнопения рассказчик обратил внимание на молодую женщину в храме и подошедшего к ней молодого, высокого, с *«импозантной фигурой дьякона»*, в котором не сразу можно было распознать бывшего жениха красавицы Елены. В прошлом блестящий офицер, Стронцев в настоящее время искупает в монастыре вину за нечаянное убийство брата своей возлюбленной.

Мотивы раскаяния и прощения являются ведущими в рассказе А. Дунина «Благородный человек» (Там же, с. 214–217). Вор попросил прощения за кражу одной тысячи рублей у своего спутника, а потерпевший в свою очередь обратился к жандарму с просьбой не наказывать преступника.

Пасхальный рассказ «В половодье» (Охотничий вестник, 1915, № 12, с. 177–183) Б. Скубенко-Яблоновского открывается описанием пробуждающейся весенней природы: *«в легких порывах ветра ощущалась нежная ласка»*; *«робкий шепот нарождающейся весны»*; *«небо, глубокое, темно-синее, смотрело своими трепетно вздрагивающими звездами»* и т. п. Ликование – главный пафос лирического монолога. Рефреном звучит жизнеутверждающее восклицание: *«Христос воскрес! И вместе с ним воскресла вся природа»*. Герой, который отправился на охоту на Страстной неделе, увидев радость пробуждающейся природы, признал свое желание ошибочным и к началу пасхальной службы вернулся домой.

Героями пасхальных историй оказывались и животные, которые погибали в годы империалистической войны, помогая воинам. Ефрейтор Топтыгин, медведь, воспитанный в батальоне,

был убит во время сражения и похоронен, как воин, с почестями (Рассказ «Ефрейтор Топтыгин» Д. Соколова) (Там же, с. 186–187) .

Праздничная тематика не была чужда и юмористическим рассказам, которые высмеивали незадачливых охотников и рыболовов. Комическая бытовая сценка описана в произведении «Чудесная приманка» (Пасхальный рыболовный рассказ) (Охотничий вестник, 1914, № 13, с. 223–224), автор Рыболов. Его героем стал незадачливый рыболов с говорящей фамилией Неклюев. Поверив товарищам, что пасхальное яйцо может быть чудесной приманкой для рыбы, он не только не поймал ни одной рыбы, но и чуть не утонул.

Таким образом, пасхальные сюжеты помогали редакторам решать природоохранные проблемы, призывали соотечественников к бережному отношению к природе. Ведущим сюжетом пасхальных рассказов стала неудачная охота на Пасху. Напротив, пережив неприятные приключения, охотники осознавали греховность своих поступков, раскаивались в дурных помыслах. Герои, попадая в мир пробуждающейся природы, обретали душевную гармонию, принимали ценность христианской традиции.

Рождественские рассказы

Охотничья периодика обращалась к традиции жанра рождественского рассказа, осмысляла принципы и приемы изображения внутреннего мира человека. Хотя периодичность публикаций не носила регулярного характера, материалы были представлены разными жанрами: рассказы, стихотворения, сценарии новогодних вечеров в охотничьих обществах, этнографические очерки («Святочные рассказы»; рассказ «Святочный сон»; сценарий «Охотничий музыкально-литературный вечер»; стихотворение «С Новым годом»; рассказ «Хавей и звери»; рождественский набросок «Мотя» и др.). Некоторые авторы упоминают Рождество или Святки, но не делают эти праздники сюжетообразующими («Холодная пороша», «Новогодний фельетон»).

Рождество – праздник ожидания чуда. Как некогда свершилось чудо в Вифлееме, так оно должно вершиться ежегодно в этот день, и поэтому с таким нетерпением и взрослые, и дети ждут Рождества, и если даже чуда не случится, то чудесен сам праздник с его невероятным переплетением народных и христианских традиций (Энциклопедия обрядов и обычаев, 1996, с. 6).

Не иначе как *рождественским чудом* можно назвать поступок одинокого лесника Акима (рассказ «Проблеск» В. Шестакова) (Охотничий вестник, 1915, № 47-48, с. 497–500), который сначала обидел «случайно» забредшего в лесную сторожку юродивого Федю, а затем, раскаявшись, передал ему все свои сбережения для восстановления храма. Духовное перерождение героя произошло в канун Рождества.

События рассказа «Тор» В. Арнольд больше ориентированы на святочную традицию и романтическую литературу. В нем реализуется *матримониальный мотив* знакомства героини со своим будущим мужем во время опасной поездки в гости на Святках. Мотив нечистой силы, или, как пишет Е. В. Душечкина, «волчий мотив» реализуется в сюжете встречи праздничного поезда с волками в лесу, которая представляла угрозу для путников (Душечкина, 1995, с. 200). Мотив чудесного спасения под Рождество и образ *чудесного спасителя* представлены в традициях романтических произведений С. Кольриджа, которые входили в круг чтения рассказчицы, с отсылкой к скандинавской мифологии. Однако ночное обаяние чудесного заклинателя, которого она представляла в образе Тора, бога в скандинавской мифологии, разрушилось, когда девушка на пороге дома увидела своего спасителя – лесника-финна, «*маленького, с жидкими льняными волосами и морщинами на лице*» (Охотничий вестник, 1908, № 24, с. 401–403).

Несмотря на сохранение традиции изображать благополучный финал, некоторые произведения имеют драматическую тональность. В основе рассказа «Рождественская ночь» Ф. Попова лежит прием контраста. В пространной экспозиции описывается природа и состояние человека накануне Рождества: «*природа, одетая так нарядно, в белый цвет, напоминает о чистоте, примирении и незлобии*». Однако природную гармонию нарушает чудовищная сцена – смерть зайца-беляка, попавшего в капкан, жестокое орудие убийства животного. Красота природы проти-

вопоставляется злодеяниям человека. Завершается рассказ описанием той же просеки, но уже приобретшей «зловещий вид»: порывы ветра сдували с веток деревьев снег, который старался прикрыть пятна крови. *«Казалось, что в эту святую ночь, когда раздался небесный хорал: “слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человеках благоволение” и блистала лучезарным светом виффлемская звезда, сама природа захотела скрыть страсть человека»* (Там же, с. 398–399). Красота природы как красота жизни становилась антитезой убийству.

К календарным произведениям зимнего цикла относили и новогодние тексты. В стихотворениях желали процветания стране и охотникам, прекращения войны, быть ближе к природе.

Тема охотничьей семьи, которую объединяли интересы, желания, чувства, оказалась важной автору рассказа «Сон под Новый год» под псевдонимом Отживающий Ружейник. Сюжетообразующим в рассказе является мотив сна, видение о будущем природы. Герой, в одиночестве встречая Новый год, вспоминает свою молодость, уже умерших друзей, с которыми делил радости и горести охотничьей жизни. С *мотивом воспоминаний* соотносится сюжет с *мотивом сна*. Во сне в сопровождении Дианы, богини охоты, он пролетает над загрязненными лесами и водоемами, над громадными зданиями и дымящими трубами фабрик. Конечной точкой необычного путешествия стали девственные леса, куда еще не проник человек и не оставил свой тяжелый след. Завершается фантастический сон вполне оптимистичным монологом Дианы: *«Люди вспомнят меня и мою старшую сестру – Природу. Старшая сестра и я созданы, чтобы восполнять друг друга; одна без другой – мы существовать не можем. В первой – великая нравственная сила – познание того, что над вами есть Высшее начало, во мне – сила вашего превосходства, вашей царственной власти над отданным вам миром животных. Мы возродимся обе и будем так же прекрасны»* (Псовая и ружейная охота, 1893, № 9, с. 193). Согласно установившейся фольклорной традиции, что сны в период зимнего календарного цикла являются вещими, автор рассказа предупреждает читателя о той грядущей катастрофе, которая ожидает человечество за безжалостное истребление и порабощение природного мира.

Как показывает литературный опыт, в рождественских рассказах (Ф. М. Достоевский «Мальчик у Христа на елке», В. Г. Короленко «Сон Макара» и др.) сон стирает границы между настоящим и прошлым, подлинным и ложным, жизнью и смертью. Понятия «жизнь» и «смерть» рассматриваются в свете христианской аксиологии: смерть как конец жизненного пути и смерть как чудо, как избавление от страданий, как переход в мир высшей правды и справедливости, как воскресение для новой жизни. Заглавный герой рассказа Б. Ф. Колюпанова «Мотя» (Приволжский вестник охоты, 1892, № 1, с. 3–6), страстный охотник, похоронив своего барина и потеряв место егеря, не смог смириться с утратой и найти себя в новых условиях жизни при фабриканте, новом хозяине имения, у которого одна забота – *«высасывать деньги из всего окружающего»*. В рождественскую ночь он отправился в зимний лес на охоту. Чувствуя, что заблудился и замерзает, Мотя начал исполнять рождественский ирмос. Герой тихо и безмятежно погружался в сон, в котором «видел» своего умершего барина, себя десятилетним мальчишкой и рядом множество таких же счастливых и окрыленных детей. Там, на небе, он оказался в привычной для себя обстановке среди родных людей, вновь обрел утраченное чувство сопричастности к давно заведенным охотничьим порядкам и традициям.

В связи с военными событиями действия рассказов перемещались в армейскую среду. Так, рассказ «Новогодний подарок (рассказ из жизни на позициях)» повествует о солдате Ефиме Гаврилове из Вологодской губернии, ловком охотнике, который не только метко стрелял в неприятеля, но и умудрился во время боя подстрелить одного матерого волка, *«ошалевшего от трескотни перекрестных выстрелов»*. Рискуя жизнью, под свист немецких пуль крестьянин перетащил волка в окоп, обработал шкуру животного и в качестве новогоднего подарка преподнес ее полковому офицеру. Автор Н. Каменский подчеркнул мужественность русского солдата, его храбрость, граничащую с безудержностью и сумасшествием, так как солдат совсем не думал о смерти, пускаясь в такое опасное предприятие. *«Душа моя охотницкая не стерпела, чтобы эдакая добыча пропала без всяких последствий под самым носом! Погорячилось сердце»*, – признавался опытный охотник (Охотничий вестник, 1915, № 1, с. 10–11).

В очерках «Рождественские блики» автор Боскет, подводя итоги года, размышляет об охоте в России и в Германии, сетует на отсутствие у русских охотников желания выписывать специализированные издания: *«В Германии семнадцать охотничьих журналов с аудиторией в 600 тысяч человек, читателей в России около четырех с половиной миллионов грамотных охотников и всего четыре специализированных издания с максимумом 40-50 тысяч подписчиков!»* (Охотничий вестник, 1906, № 24, с. 381–382).

Рождественские рассказы выполняли и обличительную функцию. Во второй части тех же «Рождественских бликов» автор в ироничной форме составил пожелания на Новый год: охотничьему закону, ныне действующему – *«тихой кончины»*; старейшим охотничьим журналам – *«месяцеслов и руководство к укреплению памяти о Сабанееве и Озерове»*, создателях образцовых моделей охотничьих журналов; воскресным охотникам – *«портрет Дон-Кихота и средство от насморка»*; шкурятникам – *«муки Тантала и преследование телами тысяч хищнически убитых пернатых»*; начинающим охотникам – *«полной любви к Диане и к природе»*; крестьянам-охотникам – *«рецепт для лечения страсти»*; русским охотничьим семьям – *«дружной совместной работы для общего дела»*.

В декабрьском номере за 1907 год в очерках «Рождественские блики» Боскет продолжил в ностальгически-иронических интонациях провожать уходящий год: сетует на бедность современной охотничьей литературы, с благодарностью вспоминая произведения выдающихся охотников – И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова.

Святочный фельетон «С визитом у Дианы» Браунинга (Охотничий вестник, 1908, № 24, с. 399–400) обличает шкурятников за варварское отношение к животным и птицам; критикует издателей охотничьих журналов – Н. В. Туркина («Природа и охота»), Н. Н. Фокина («Наша охота»), А. А. Торскова («Семья охотников») – за отсутствие полезных и качественных публикаций; председателей охотничьих обществ – за слабую организацию работы по охране окружающей природы. Пафосом обличения пронизан «Новогодний фельетон», опубликованный в первом номере журнала «Приволжский вестник охоты» за 1892 год. Автор Дублет (Каменный гость) выражает протест против использования на охоте капканов, силков, сетей и других варварских приспособлений для ловли животных. *«В этих способах нет ничего охотничьего, – заключает автор, – ничего спортсменского. Нет оправдания этому способу добывания пищи. Ведь преследовать зверя – это труд настоящий, нередко сопряженный с опасностью, полный напряжения и забот. Совсем другое – мастерить ловушки в теплой хате и предательски разбрасывать их по зверовым тропам и местам брачных скоплений птицы»* (Приволжский вестник охоты, 1892, № 1, с. 13–14). В заключение автор предлагает выпить за Новый год, за наступление новых, лучших дней в охотничьем хозяйстве, за здравие куропаток, освобожденных от сетей.

Таким образом, популярные святочные, рождественские, новогодние темы и мотивы использовались авторами для актуализации природоохранных проблем, привлечения внимания к насущным вопросам охотничьего промысла и охотничьего хозяйства в целом.

Выводы

Рассмотрев ключевые образы и мотивы календарной словесности в охотничьей периодике конца XIX – начала XX века, мы пришли к ряду наблюдений.

Интерес специализированных изданий природоведческой, охотничьей направленности к календарной словесности объясняется, с одной стороны, стремлением издателей своевременно реагировать на происходящие в обществе перемены и соответствовать новым тенденциям развития повременных изданий в конце XIX века, необходимостью учитывать читательские потребности своей аудитории, намерением отдать дань литературной традиции. С другой стороны, несмотря на ориентированность пасхальных и рождественских текстов на уже сложившийся канон, журналы природы и охоты не только ставили цель воплотить христианские идеалы, поддерживать своих читателей, особенно в кризисные периоды (Русско-японская война 1904–1905 гг.,

Первая мировая война), но и решали природоохранные задачи, представляя сценарий взаимодействия человека и природы в контексте календарных дат.

Анализ публикационной активности изданий (рассматривались журналы, существовавшие на рынке повременной литературы не менее пяти лет. – А. Л.) показал, что наибольший интерес к календарным жанрам проявила бюджетная печать для широкого круга читателей, любителей охоты. Размещение материалов на тему Пасхи и Рождества не было в приоритете многих изданий, их публикации носили ситуативный характер. Пожалуй, единственный журнал, который живо откликался на календарь, – это «Охотничий вестник». В годы Русско-японской войны он публиковал отдельные материалы к праздничным датам, а в годы Первой мировой войны в соответствующих номерах представлял календарные произведения разных жанров, которые соответствовали духу исторического времени.

Анализ формально-содержательных элементов календарных рассказов позволяет сделать вывод о том, что ключевыми стали мотивы преображения, раскаяния, осознания своей неправоты, прощения, моления, наказания, чуда. Из ключевых образов можно выделить образ преображенной по случаю праздника природы, образ чудесного помощника, из деталей и символов – колокольный звон, церковное песнопение, церковную службу, подарки (пасхальное яйцо).

Календарные праздники стали еще одним поводом привлечь внимание читателей к насущным проблемам в сфере охоты и охотничьего хозяйства, еще раз призвать охотников к бережному использованию природных ресурсов, уважительному отношению к лесным обитателям. В годы империалистической войны продемонстрировали антивоенные настроения.

Источники

- Акелькина Е. А. (2016) Философские черты в повествовании рождественского рассказа А. П. Чехова «Ванька» (1886). Наука о человеке: гуманитарные исследования, № 3 (25), с. 10–13. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.25.10.
- Баран Х. (1993) Дореволюционная праздничная литература и модернизм. В кн.: Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., Прогресс: Универс, с. 284–329.
- Душечкина Е. В. (1995) Русский святочный рассказ. Становление жанра. СПб., Языковой центр СПбГУ, 256 с.
- Есаулов И. А. (2004) Пасхальность русской словесности. М., Кругъ, 560 с.
- Жилякова Н. В. (2017) Святочный рассказ в Томской дореволюционной периодике: становление жанровой традиции. Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология, т. 16, № 6, с. 7–13.
- Калениченко О. Н. (2000) Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX – начала XX века (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новелла). Монография. Волгоград, Перемена, 240 с.
- Кучерская М. А. (1997) Русский святочный рассказ и проблема канона в литературе нового времени. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 21 с.
- Старыгина Н. Н. (1992) Святочный рассказ как жанр. Проблемы исторической поэтики, № 2, с. 113–127.
- Третьякова О. Г. (2001) Стилевые традиции святочного и пасхального жанра в русской прозе рубежа XIX–XX веков. Дис. ... канд. филол. наук. М., 230 с.
- Охотничий вестник. 1906, № 24.
- Охотничий вестник. 1908, № 24.
- Охотничий вестник. 1914, № 13.
- Охотничий вестник. 1915, № 1.
- Охотничий вестник. 1915, № 12.
- Охотничий вестник. 1915, № 47–48.
- Приволжский вестник охоты. 1892, № 1.
- Псовая и ружейная охота. 1893, № 9.
- Чехов А. П. (1977) Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Редкол. Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М., Наука, т. 8, с. 306–309.
- Энциклопедия обрядов и обычаев (1996) Сост. Брудная Л. И. СПб., ТОО «РЕСПЕКС», 552 с.

References

- Akelkina E. A. (2016) Filosofskie cherty v povestvovanii rozhdestvenskogo rasskaza A. P. Chekhova “Van’ka” (1886)[Philosophical features in the narration of the christmas story “Vanka” by A. P. Chekhov (1886)]. The Science of Person: Humanitarian Researches, no. 3 (25), pp. 10–13 (In Russian).

- Baran H. (1993) Dorevolucionnaya prazdnichnaya literatura i modernism [Pre-revolutionary holiday literature and modernism]. In: Poetikarusskoj literaturynachala XX veka [The poetics of Russian literature of the early XX century]. Moscow, Progress: Univers, pp. 284-329 (In Russian).
- Chekhov A. P. (1977) Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. [Complete works and letters: in 30 v.]. Vol. 8. Moscow, Nauka, pp. 306-309 (In Russian).
- Dushechkina E. V. (1995) Russkij svyatochnyj rasskaz. Stanovlenie zhanra [Russian Yuletide story. The formation of the genre]. St. Petersburg, Language Center of St. Petersburg State University, 256 p. (In Russian).
- Esaulov I. A. (2004) Paskhal'nost' russkoj slovesnosti [Paschality of Russian literature]. Moscow, Krug Publ., 560 p. (In Russian).
- Enciklopediya obryadov i obyчаev (1996) [Encyclopedia of rituals and customs]. Ed by L. I. Brudnaya. St. Petersburg, RESPEKS Publ., 552 p. (In Russian).
- Kalenichenko O. N. (2000) Sud'by malyh zhanrov v russkoj literature konca XIX – nachala XX veka (svyatochnyj i paskhal'nyj rasskazy, modernistskaya novella) [The fate of small genres in Russian literature of the late XIX – early XX century (Yuletide and Easter stories, modernist novella)]. Monografiya. Volgograd, Peremena Publ., 240 p. (In Russian).
- Kucherskaya M. A. (1997) Russkij svyatochnyj rasskaz i problema kanona v literature novogo vremeni [The Russian Yuletide Story and the Problem of the Canon in Modern Literature]. Abstr. Diss. ... Cand. of Philol. Sci. Moscow, 21 p. (In Russian).
- Ohotnichij vestnik (1906) [Hunting Bulletin], no. 24 (In Russian).
- Ohotnichij vestnik (1908) [Hunting Bulletin], no. 24 (In Russian).
- Ohotnichij vestnik (1915) [Hunting Bulletin], no. 12 (In Russian).
- Ohotnichij vestnik (1914) [Hunting Bulletin], no. 13 (In Russian).
- Ohotnichij vestnik (1915) [Hunting Bulletin], no. 12 (In Russian).
- Ohotnichij vestnik (1915) [Hunting Bulletin], no. 47-48 (In Russian).
- Privolzhskij vestnik ohoty (1892) [Privolzhsky Bulletin of hunting], no. 1 (In Russian).
- Psovaya i ruzhejnaya ohota (1893) [Dog and gun hunting], no. 9 (In Russian).
- Starygina N. N. (1992) Svyatochnyj rasskaz kak zhanr [Yule story as a genre]. The Problems of Historical Poetics, no. 2, pp. 113-127 (In Russian).
- Tret'yakova O. G. (2001) Stilevyje tradicii svyatochnogo i paskhal'nogo zhanra v russkoj proze rubezha XIX-XX vekov [Stylistic traditions of the Yuletide and Easter genre in Russian prose at the turn of the XIX-XX centuries]. Diss. ... Cand. of Philol. Sci. Moscow, 230 p. (In Russian).
- Zhilyakova N. V. (2017) Svyatochnyj rasskaz v Tomskoj dorevolucionnoj periodike: stanovlenie zhanrovoj tradicii [The Yuletide Story in the Tomsk Pre-Revolutionary Periodicals: the formation of a genre tradition]. Vestnik NSU. Series: History and Philology. Vol. 16, no. 6, pp. 7-13 (In Russian).

Информация об авторе

Ляпина Алина Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры русской и зарубежной литературы.
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0001-7203-6713.
E-mail: a.v.liapina@mail.ru

Autor's information

Alina V. Lyapina

Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor of the
Department of Russian and Foreign Literature.
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian
Federation.
ORCID ID: 0000-0001-7203-6713.
E-mail: a.v.liapina@mail.ru